

Придя к хижине, мужчина не стал сразу просить аудиенции, а принялся приводить в порядок могильный холм.

Уборка, подношения, зажженные благовония... Его осторожные, трепетные движения заставили Бай Мэнцзинь нахмуриться.

Для заклинателей духи и божества — существа осязаемые, поэтому страха, свойственного простым смертным, у них нет. Посещение могил для них — лишь способ выразить скорбь. Но этот человек явно переигрывал, всё выглядело фальшиво.

Закончив приготовления, мужчина подошел к дверям хижины и с поклоном громко произнес:

— Матушка, ваш зять пришел засвидетельствовать свое почтение.

Надо же, зять Ху Эрнян? Сколько у нее дочерей? Неужели это муж той самой Мочоу?

Через некоторое время из хижины послышался голос Ху Эрнян:

— Входи.

Мужчина снова поклонился и лишь тогда переступил порог.

— Пойдем, послушаем, — с интересом предложил Лин Буфэй. Раз уж барьер не блокирует звуки, грех этим не воспользоваться.

Они подошли ближе к хижине, но стражники, оставшиеся снаружи, ничего не заметили. Притаившись под окном, двое увидели, как Ху Эрнян сидит на стуле с бесстрастным лицом, а мужчина стоит перед ней, вытянувшись во фрунт.

— Слышала, ты взял себе наложницу. Почему бы тебе не нежиться в ее объятиях дома, вместо того чтобы тащиться сюда, в эту глушь?

Мужчина поспешно ответил:

— Матушка, прошу, будьте благоразумны. Я взял наложницу лишь ради того, чтобы продолжить род. Хотя А-Чоу ушла, в моем сердце лишь она одна.

Ху Эрнян холодно бросила:

— Когда человек умирает, свет гаснет. Раз А-Чоу больше нет, я не стану запрещать тебе жениться снова, к чему этот фарс?

Мужчина принялся клясться, что даже после потери жены будет почитать тещу как родную мать.

Лин Буфэй не сдержался и, наклонившись к уху Бай Мэнцзинь, прошептал:

— Лицемер. У него явно есть какая-то цель.

Бай Мэнцзинь подняла голову и заметила, что Ху Эрнян мельком взглянула в их сторону — должно быть, услышала слова Лин Буфэя. Но она ничего не сказала, а лишь повернулась к гостю:

— Ладно, зачем пришел? Говори и уходи, не тревожь покой А-Чоу.

Мужчина улыбнулся:

— Да, собственно, ничего особенного. Я просто хотел навестить А-Чоу, ну и заодно узнать, не нужна ли вам какая помощь...

— У меня всё хорошо. Если дел нет, ступай прочь.

Не ожидав такой прямооты, мужчина засуетился:

— Матушка, подождите! По дороге сюда я услышал кое-что, что меня крайне встревожило. Хотел спросить... Вы правда пленили молодого господина секты Уцзи?

Ху Эрнян ответила сухо:

— Так вот в чем твоя истинная цель. Боишься, что секта Уцзи придет по твою душу и ты пострадаешь из-за меня?

— Нет-нет, матушка, это было лишь попутно! — поспешно отнекивался мужчина. — А-Чоу больше нет, я должен проявлять к вам сыновнюю почтительность. Я просто боюсь, что вы навлечете на себя гнев секты Уцзи, и вам станет несладко!

Ху Эрнян насмешливо улыбнулась, ее взгляд стал острым:

— Пришел ты как нельзя кстати. Даже если бы не пришел, я сама тебя искала. Да, я пленила молодого господина секты Уцзи и узнала, что тогда произошло на самом деле. Поэтому хочу спросить: зачем ты ввел меня в заблуждение, сказав, что А-Чоу погубил Лин Юньчжоу?

Мужчина вздрогнул:

— Матушка!

Лин Буфэй за окном был ошеломлен. Оказывается, Ху Эрнян пришла к такому выводу, потому что ее обманули? Неужели у этого человека была вражда с его отцом?

Ху Эрнян пристально смотрела на него:

— Я видела всё своими глазами. А-Чоу и Лин Юньчжоу вместе преградили путь демоническому зверю. Она лишь предупредила его, желая помочь, а он не использовал ее как живой щит. Ты всё выдумал, с какой целью?

За окном Лин Буфэй пришел в ярость:

— Что за наглость!

С самого детства он страдал от слухов, его постоянно называли сыном предателя, и он не подозревал, что кто-то намеренно разжигает ненависть. Кто этот человек? Какая у него вражда с отцом?

Бай Мэнцзинь положила руку ему на плечо:

— Не спеши, давай дослушаем.

Она поняла, почему Ху Эрнян наложила на них барьер — она хотела, чтобы они слышали этот

разговор и узнали правду.

Если бы Лин Юньчжоу действительно был убийцей Мочоу, Ху Эрнян не побоялась бы гнева секты Уцзи. Но раз это не так, ей нужно было оправдать свой поступок.

— Правда? — мужчина прижал руку к груди, делая вид, что ему полегчало. — Как хорошо, что это прояснилось. Тогда я был позади и не разглядел деталей. Позже все твердили, что Лин Юньчжоу был пособником демонов, а я вспомнил, что А-Чоу защищала его перед смертью, вот и подумал...

— Значит, это были лишь твои домыслы? Почему ты не сказал об этом раньше? Если бы я в порыве гнева расправилась с ним, разве не пострадал бы невиновный?

Мужчина рухнул на колени и запричитал:

— Матушка, умоляю, поймите! С тех пор как я увидел, что А-Чоу погибла у меня на глазах, я не знал ни дня покоя. Вспоминая поведение Лин Юньчжоу, я был полон такой скорби, что не находил себе места, и решил, что это он погубил ее. Если бы вы не увидели всё своими глазами, я бы до сих пор считал его убийцей.

Он вытер лицо и, подняв покрасневшие глаза на Ху Эрнян, добавил:

— Я был неправ. Готов разделить с вами ответственность. Если секта Уцзи призовет к ответу, я сам пойду и всё им объясню.

Ху Эрнян долго смотрела на него, пытаясь уловить хоть каплю фальши, но, не найдя ее, кивнула:

— Хорошо. Я отправлю их обратно в секту Уцзи, поедешь вместе с нами.

Мужчина был вне себя от благодарности:

— Слушаюсь, матушка.

— Вставай, готовься. Завтра на рассвете выступаем.

— Слушаюсь.

Мужчина поднялся, помедлил и спросил:

— Матушка, а где сейчас молодой господин Лин? Может, мне стоит пойти и принести ему извинения?

— Не нужно. — Ху Эрнян посмотрела в сторону окна. — Он еще ребенок, что он понимает? Поговорим с главой секты, когда прибудем.

Мужчина поклонился:

— Как скажете.

Когда он уже выходил, Ху Эрнян внезапно спросила:

— Фан Суйчэн, ты ведь не обманываешь меня в этот раз?

Тот поклялся небом и землей:

— У меня нет ни единого слова лжи.

Ху Эрнян смягчилась:

— Иди. Завтра в час Чэнь жду тебя.

— Слушаюсь.

Фан Суйчэн вышел из хижины, но не покинул долину, а разбил палатку напротив и сел в позу лотоса, явно намереваясь дожидаться рассвета.

Бай Мэнцзинь дернула Лин Буфэй за рукав, и они проскользнули в окно.

— Старшая.

Ху Эрнян взглянула на них:

— Слышали? Это мой зять, Фан Суйчэн. Мастер красноречия, сумел охмурить мою А-Чоу и заставить выйти за него. Его семья была в полном упадке, но А-Чоу годами тянула их, и в итоге он стал одним из старейшин города Фэнъю.

Вспомнив дочь, Ху Эрнян прикрыла глаза:

— Десять с лишним лет назад они решили отправиться на охрану реки Минхэ, чтобы заработать заслуги и возвысить род Фан. Я тогда странствовала и не смогла их остановить. А потом до меня дошли вести, что барьер пал и А-Чоу погибла.

Лин Буфэй нахмурился:

— Старшая сказала, что это он оклеветал моего отца?

Ху Эрнян медленно кивнула, но тут же поправилась:

— Не уверена, что это была клевета, возможно, он правда ошибся. Поэтому я и беру его с собой в секту Уцзи, чтобы вы допросили его. Если он виновен, я не стану его покрывать.

Лин Буфэй кивнул. Пленение молодого господина секты Уцзи — не шутки, и такая попытка исправить ошибку выглядела искренней.

— Хотя, вряд ли он сделал это нарочно, — добавила Ху Эрнян. — Твой отец, Лин Юньчжоу, был старейшиной секты, а Фан Суйчэн достиг уровня Юаньин лишь благодаря поддержке А-Чоу. Они были людьми разного круга, какая тут вражда? К тому же, слух о предательстве твоего отца разлетелся по всему миру заклинателей, в это было вовлечено слишком много людей, у него просто не хватило бы влияния.

Это звучало разумно, и Лин Буфэй не нашел, что возразить.

Но если Ху Эрнян была обманута Фан Суйчэном, то как же По Цяньцзюнь и Цзи Юаньсы? Они-то с Фан Суйчэном даже не знакомы.

— Есть еще вопросы? — спросила Ху Эрнян. — Если нет, я отправлю вас обратно в дупло дерева отдыхать.

Лин Буфэй покачал головой.

Она взмахнула рукой, и невидимый вихрь подхватил их, в мгновение ока перенеся из долины к входу в дупло.

Лин Буфэй обернулся и, заметив, что Бай Мэнцзинь о чем-то глубоко задумалась, спросил:

— О чем ты? Что-то не так?

Она ответила:

— Этот Фан Сюйчэн — нехороший человек. Он точно лжет.

— Я знаю, — Лин Буфэй шагнул в дупло. — Ху Эрнян хоть и недолюбливает его, но всё же выгораживает. Вернемся в секту, наложим заклятие правды, и он не сможет выкрутиться.

Бай Мэнцзинь согласилась. Ху Эрнян дорожит памятью о дочери и не хочет рубить с плеча, а они не вправе требовать большего — всё-таки они сейчас не у себя дома.

Наступила ночь. Бай Мэнцзинь достала светильник с лунным камнем и повесила его у входа.

Обернувшись, она заметила, что Лин Буфэй украдкой наблюдает за ней.

— Красиво?

— Красиво, — выпалил Лин Буфэй, тут же спохватился и с досадой хлопнул себя по губам.

Бай Мэнцзинь рассмеялась, достала из рукава кувшин с вином и налила ему чашу:

— Чего смущаешься? Разве не естественно находить свою жену красивой?

Лин Буфэй принял вино и пробормотал:

— Вечно твердишь, что ты красавица, какая же ты бесстыжая...

— Ты о себе говоришь? Я никого не просила любоваться моей красотой.

— ... — Если бы время можно было повернуть вспять, Лин Буфэй ни за что не произнес бы этих слов. Бумеранг — штука опасная, бьет точно в цель.

— Погоди, откуда вино? — подозрительно спросил он. — Ты же говорила, что почти всё выпила?

— Обманула тебя, — небрежно ответила Бай Мэнцзинь, неспешно попивая из своей чаши.

— Ты...

Бай Мэнцзинь достала пакет с сухофруктами и цукатами, открыла его и поставила на пень:

— Будешь?

Глядя на аппетитное угощение, молодой господин Лин немного поборолся с собой, но в итоге сдался:

— Буду...

Снаружи птицы уже спали, кругом царил покой. Они немного выпили, и Лин Буфэй, покосившись на нее, спросил:

— На самом деле мы ведь совсем друг друга не знаем! Не слишком ли поспешно мы объявили о помолвке?

Бай Мэнцзинь спросила в ответ:

— Имя, возраст, происхождение, наставники, техники, особенности телосложения, артефакты... Разве ты не всё обо мне знаешь? Почему же ты говоришь, что мы не знакомы?

Лин Буфэй растерялся:

— Но мы ведь знакомы всего один день...

— Есть такая поговорка: можно знать человека всю жизнь и оставаться чужими, а можно встретиться на мгновение и стать родными. Подходим мы друг другу или нет — не зависит от времени знакомства. Вот взять хотя бы ту барышню Цзи, ты знаешь ее с детства, почему же не женишься на ней?

— Э-э... — аргументы Бай Мэнцзинь были железными, и Лин Буфэйю нечего было ответить.

Напоследок она спросила:

— А теперь ответь: если бы я и Цзи Сингэ стояли перед тобой, кого бы ты выбрал?

Лин Буфэй помолчал и ответил:

— Тебя...

— Вот и всё, — госпожа Нефритовый Демон довольно подняла чашу. — Значит, мы созданы друг для друга, это предначертанный союз!

Молодой господин Лин, вынужденный выпить с ней вино, мысленно выругался. Если бы она раньше не проговорила, что хочет прибрать секту к рукам, он бы еще мог в это поверить.

Глубокой ночью в траве звенели цикады.

Ху Эрнян, пребывавшая в медитации, внезапно услышала тихий плач, доносящийся со стороны могилы.

Она поднялась, вышла из хижины и увидела Фан Суйчэна, сидящего перед надгробием с чашей вина в руках. Он плакал и пил.

— Что ты делаешь?

Фан Суйчэн поднял голову, увидел ее и поспешно вскочил:

— Матушка, я вас разбудил? Прошу прощения, я не сдержался.

Ху Эрнян подошла ближе. Перед могилой стояли кувшин и две чаши: одна для Фан Суйчэна, другая — напротив, словно он пил на брудершафт с Мочоу.

Фан Сюйчэн вытер покрасневшие глаза:

— Ночью так тихо, что я невольно вспомнил те времена, когда мы были с А-Чоу вместе. Помню, как в первый раз пришел к вам, всё было точно так же. А-Чоу болтала с вами в доме, а я ждал снаружи, волнуясь перед встречей... Я смотрел на дверь хижины, словно ожидая, что А-Чоу вот-вот выйдет, но, обернувшись, видел лишь ее кенотаф...

Он закрыл лицо руками и зарыдал:

— Знаю, вы вините меня. Это действительно моя вина. Если бы я тогда не повез ее на фронт к реке Минхэ, этого бы не случилось... Я был одержим жаждой славы и богатства, о чем теперь горько сожалею.

Ху Эрнян охватила бесконечная скорбь. В этом мире нет лекарства от сожалений, и каждое воспоминание теперь причиняло невыносимую боль.

Сама того не заметив, она присела рядом, и Фан Сюйчэн наполнил ей чашу.

— Матушка, не буду скрывать: раньше я не задумывался, а всю свою ненависть за потерю А-Чоу перекладывал на Лин Юньчжоу. Сегодня, услышав ваши слова, я понял, что просто не мог принять реальность. Мне было легче винить его, чтобы хоть как-то заглушить свою боль.

Ху Эрнян молча вздохнула. Она всегда недолюбливала этого зятя, считая, что дочь ослепла от любви, ведь она могла найти кого угодно, а выбрала этого «вышитого подушечного чехла» (красивого, но бестолкового). Но если подумать, с ним А-Чоу была довольно счастлива.

Фан Сюйчэн, не глядя, пьет она или нет, опрокинул чашу.

Вино лишь усилило печаль. Он закрыл лицо руками и зарыдал еще громче:

— Думал, что виноват Лин Юньчжоу, и все эти десять лет мне было хоть кого ненавидеть. А теперь, когда оказалось, что это не он, на душе стало пусто, и я даже не знаю, на кого направить свой гнев...

Эти слова попали точно в цель. После смерти дочери она только и мечтала, что отомстить Лин Юньчжоу, но секта Уцзи была слишком могущественна. Десять лет она вынашивала план, ожидая шанса. И вот, когда шанс появился, ненависть вдруг лишилась объекта.

А-Чоу, А-Чоу, что же мне делать? После того как ты попала в реку Минхэ, я даже души твоей найти не могу!

Слезы капали одна за другой, и Ху Эрнян поднесла чашу к губам.

Вино было обжигающе горьким, но эта горечь дала ей повод позволить слезам течь без удержу.

Когда третья чаша была уже у рта, Ху Эрнян внезапно замерла.

Она подняла взгляд и встретила с осторожным, выжидающим взглядом Фан Сюйчэна.

Глаза Ху Эрнян сузились, из нее вырвалась жажда убийства:

— Ты отравил вино?

Эти слова стали сигналом. Вокруг Ху Эрнян взорвалась мощная аура, а Фан Сюйчэн, будучи

готовым, вспыхнул магическим светом и отлетел назад.

Ху Эрнян была в ярости. Как бы она ни презирала зятя, ради дочери она терпела его, а этот негодяй использовал ее чувства к ребенку ради такого злодейства!

Красная нить метнулась к Фан Сюйчэну.

Его уровень Юаньин был достигнут насильственным путем, он не смел идти против нее в открытую и тут же закричал:

— Вперед!

По его команде из засады выскочили стражники, заняли свои позиции и взмахнули флажками.

Вспыхнули магические лучи, они переплелись, образуя сеть. В самом центре сети оказалась Ху Эрнян!

Она пришла в еще большую ярость: эта техника была основана на ее собственном коронном приеме, которому Мочоу когда-то обучила Фан Сюйчэна. Невероятно, что он использует его против нее самой.

— Негодяй, как ты смеешь быть таким неблагодарным!

Фан Сюйчэн, стоя в центре массива, перестал притворяться и усмехнулся:

— Я не хотел доводить до такого, но ведь вы сами не оставили мне выбора! Завтра в секте Уцзи меня бы ждали пытки. Раз вы не цените старые узы, мне приходится заботиться о себе самому.

Он громко скомандовал:

— Активировать!

Белые нити, словно паутина, потянулись к Ху Эрнян.

Она вспыхнула красным светом, но едва нити начали формироваться, как в груди у нее стало тесно, и она выплюнула кровь. Белые нити не упустили шанса и тут же хлестнули по ней.

В обычном состоянии Ху Эрнян одним движением развеяла бы их, но сейчас она не могла использовать свою силу и едва отбивалась.

Бросив взгляд на имя дочери на надгробии, она почувствовала еще большую боль и гнев. Красная нить, быстрая как стрела, устремилась к Фан Сюйчэну.

Тот в ужасе отпрянул — он не ожидал, что даже после отравленного вина и в ловушке массива Ху Эрнян способна на такой удар. Он успел активировать защитный артефакт.

— А-а! — Защитный свет был разбит, Фан Сюйчэн отлетел в сторону.

А у Ху Эрнян красная нить задрожала и погасла — больше сил не осталось.

Она пошатнулась, в даньтяне нестерпимо кололо.

— Старая ведьма! — Фан Сюйчэн был сильно ранен, но радовался, что использовал все свои козыри, и, поднявшись, злобно посмотрел на нее.

Бить лежащего — его любимое занятие. В его глазах блеснула жестокость, он сложил печати, вливая всю свою силу в массив.

Белые нити с яростью хлестнули снова.

— Кха! — На этот раз Ху Эрнян отлетела в сторону, снова выплюнув кровь.

Так повторялось несколько раз, пока она не упала на землю, едва дыша.

Фан Сюйчэн взмахнул флагами массива, и белые нити плотно опутали Ху Эрнян.

Он поспешно проглотил пару пилюль, чтобы унять боль, подошел к ней и пнул пару раз:

— Старая карга! Все эти годы я был с тобой почтителен, а ты смотрела на меня свысока! А теперь еще хотела сдать меня секте Уцзи? Раз ты первая нарушила верность, не вини меня за предательство!

Под действием яда зрение Ху Эрнян начало затуманиваться, но ненависть в сердце не угасла. Она холодно прохрипела:

— Если ты не делал ничего дурного, чего бояться секты Уцзи?! Фан Сюйчэн, скажи честно, смерть А-Чоу связана с тобой? Угх!

Фан Сюйчэн снова пнул ее, глядя с угрозой:

— Сейчас не время сводить со мной счеты, лучше подумай о своей судьбе!

Он повернулся к подчиненным:

— Сначала отнесите эту ведьму в дом.

Один из стражников засомневался:

— Глава, она уже в таком состоянии, не лучше ли прикончить ее, чтобы не оставлять следов?

В глазах Фан Сюйчэна мелькнула жадность:

— Эта старая карга наверняка припрятала немало сокровищ. Все эти годы я прикидывался перед ней внуком, но она не дала мне ни гроша. Сначала нужно выведать, где ее добро.

Помолчав, он добавил:

— И еще, где этот молодой господин Лин? Знает ли он правду? Нужно всё выяснить, иначе, когда секта Уцзи придет, нам всем конец!

— Есть.

В дупле дерева Бай Мэнцзинь, до этого дремавшая, внезапно открыла глаза и растолкала полусонного Лин Буфэя:

— Скорее вставай, в долине беда.